

RU

Особенности аналитических форм глагола в аспекте эргативности ингушского языка

Хадзиева М. М.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей использования в ингушском языке аналитических форм глагола в роли предиката эргативных, номинативных и аффективных синтаксических конструкций. В статье рассмотрены различные модели построения указанных типов предложений с точки зрения реализации в них субъектно-объектных отношений, обусловленных семантикой основного и вспомогательного глаголов аналитической формы в предикативной функции. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем на материале текстов художественной литературы и живой речи ингушского языка представлено функционирование аналитических глагольных форм, выступающих в роли сложных глагольных сказуемых в эргативных, номинативных и аффективных предложениях. В результате исследования установлено, что в ингушском языке выбор вспомогательного глагола аналитической формы зависит от переходной или непереходной семантики основного глагола, а также от падежа субъекта предложения – номинативного, аффективного или эргативного. Различные комбинации субъектно-предикатных компонентов актуализируют значения квалификативности исполнителя и носителя действия, повторяемости, дистанцированности и локализованности, очевидности и заглазости действия.

EN

Features of analytical verb forms in the aspect of ergativity in the Ingush language

M. M. Khadzieva

Abstract. The aim of the study is to identify the features of the use of analytical verb forms as predicates in ergative, nominative, and affective syntactic constructions in the Ingush language. The article examines various models of constructing these types of sentences from the perspective of the realization of subject-object relations determined by the semantics of the main and auxiliary verbs of the analytical form in the predicative function. The scientific novelty of the research lies in presenting, based on texts of literary works and spoken language in Ingush, the functioning of analytical verb forms serving as complex verbal predicates in ergative, nominative, and affective sentences. As a result of the study, it was established that in the Ingush language, the choice of the auxiliary verb in the analytical form depends on the transitive or intransitive semantics of the main verb, as well as on the case of the subject of the sentence – nominative, affective, or ergative. Different combinations of subject-predicate components actualize meanings of the qualificativity of the agent and the bearer of the action, repetitiveness, distancing and localization, obviousness, and evidentiality of the action.

Введение

Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что реализация субъектно-объектных отношений в пределах синтаксической единицы предикатом, выраженным аналитической формой глагола, вызывает безусловный научный интерес на фоне усиления аналитических тенденций в естественных языках, в том числе и в системе ингушского языка, преимущественно проявляющего эргативную стратегию. Подобное исследование позволит определить особенности построения эргативных, номинативных и аффективных синтаксических конструкций, обусловленных использованием в функции предиката аналитической формы глагола, главным компонентом которой является причастно-деепричастная форма настоящего времени несовершенного вида.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- определить место и значение аналитических форм в парадигме спряжения глагола ингушского языка;
- обозначить статус ингушского языка в аспекте эргативности-номинативности;

- раскрыть особенности семантической классификации глаголов ингушского языка на переходные, непереходные и аффективные;
- уточнить влияние значения переходности/непереходности смыслового глагола и вспомогательного глагола аналитической формы на характер синтаксической конструкции по признаку эргативности, номинативности и аффективности;
- определить особенности аналитических форм каузированных глаголов на синтаксическом уровне.

Материалом для исследования послужили синтаксические обороты, используемые в живой разговорной речи современного ингушского языка, а также конструкции, отобранные методом сплошной выборки из следующих источников:

- Веджижев А. А. Лоамашкара дарз: повесташи дувцараши. Грозный: Нохч-Г1алг1ай книжни издательство, 1986 (Веджижев А. А. Метель в горах: повести и рассказы. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986).
- Кодзоев И. А. «Нынче зăма такая...» (дувцарий, ийлай, нигатий гуллам) («Нынче век такой...» (сборник рассказов, мыслей, намерений)). Ростов н/Д: Лаки Пак, 2016.
- Чакхкиев К. О. Моакхаза лоамаш (Кремневые горы) // Литературни Г1алг1айче (Литературная Ингушетия). 2004. № 2 (38).

Теоретическую базу исследования составляют научные труды, посвященные синтаксису ингушского языка (Яковлев, 2001), комплексному исследованию глагольной части речи (Мещанинов, 1982; Барахоева, 2011) и изучению структуры аналитических форм глагола (Барахоева, 1993; Гухман, 1955), а также работы, затрагивающие эргативный аспект вообще и применительно к ингушскому языку в частности (Мещанинов, 1967; Тариева, 2010b; 2017). Кроме того, привлекаются научные статьи, рассматривающие морфолого-синтаксические и семантические признаки глагольных лексем ингушского языка (Барахоева, 2012; 2013; Дешериев, 2006; Тариева, 2010a; 2024), а также работы по изучению других кавказских языков (Халидов, 2008; Чикобава, 1976).

При проведении данного исследования применялся метод анализа научных источников для выявления актуальных тенденций по разработке предлагаемой тематики. Метод сплошной выборки использовался для подборки фактологического материала; с применением сравнительно-сопоставительного метода и приёма компонентного анализа выявлялась зависимость характера синтаксической конструкции от переходной/непереходной семантики глагола и выбора вспомогательного глагола аналитической формы для оформления предиката предложения. Полученные результаты систематизированы на основе описательного метода.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов при разработке учебно-методических пособий, теоретических и практических курсов по морфологии ингушского языка, а также в процессе преподавания и изучения этого языка.

Обсуждение и результаты

Аналитические формы составляют особый пласт в парадигме спряжения глагола ингушского языка. Они рассматриваются как финитные формы (Барахоева, 2013), способные выражать полный спектр морфологических категорий, обеспечивая наряду с синтетическими формами выражение различных семантических значений и реализовывая предикативную функцию в пределах синтаксических конструкций. Относясь к перифрастическому спряжению (Барахоева, 2013), то есть к описательным оборотам, аналитические формы являются композитами, основным признаком которых считается невозможность замены компонентов этих сложных глагольных образований (Гухман, 1955).

Аналитические формы ингушского глагола структурно оформлены в виде соединения причастно-деепричастной формы основного глагола, выраженной в настоящем времени несовершенного вида (*эцаши* – «покупая, покупающий») и в прошедшем времени совершенного вида (*ийца* – «купив, купленный»), со вспомогательным глаголом (Барахоева, 1993): *Коартол эцаши воалл из.* / «Он покупает картошку (в данный момент)»; *Коартол ийца хиннай цо.* / «Он, оказывается, купил картошку» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. Х.).

В рамках данной работы мы рассмотрим аналитические формы с причастно-деепричастной формой настоящего времени несовершенного вида. Вспомогательному глаголу в аналитической форме отводится служебная функция, поскольку он полностью или частично теряет свое исходное лексическое значение, но сохраняет возможность выражения грамматического значения (Мещанинов, 1982). В современном ингушском языке в роли вспомогательных используются такие глаголы, как *да* (в, й, б) / *быть (есть)*; *хила* / *быть, становиться*; *далла* (в, й, б) / *находиться, пребывать*; *латта* / *стоять*; *дала* / *становиться* (Барахоева, 1993). Как мы увидим в дальнейшем, не все они одинаково функциональны в контексте предлагаемого исследования, в котором нас, прежде всего, интересуют особенности использования аналитических форм при дифференциации эргативных и номинативных синтаксических конструкций.

По типологической классификации ингушский язык, как и другие языковые системы нахской группы, традиционно относят к эргативным языкам. Однако нахские языки вряд ли можно считать эргативными в чистом виде, так как, например, в бацбийском языке «параллельно сосуществуют эргативная и номинативная модели построения совершенно одинаковых на первый взгляд в семантико-синтаксическом отношении конструкций» (Халидов, 2008, с. 156). Точно так же и в синтаксисе ингушского языка равнозначно представлены как эргативные, так и номинативные обороты.

Как известно, языки эргативной стратегии отличаются от номинативных тем, что в эргативных языках формальным подлежащим предложения является объект (получатель, носитель) действия, или пациенс, а в номинативных языках в роли подлежащего выступает субъект (исполнитель, производитель) действия, или агенс. В номинативных производитель действия стоит в номинативе, то есть в именительном падеже, а носитель действия – в винительном. В эргативных языках именительным падежом выражен пациенс, а исполнитель действия – агенс – эргативным падежом; иными словами, в языках номинативного строя ядро предложения в большинстве случаев основано на оппозиции «номинатив – аккузатив», тогда как в языках с эргативным строем реализуется оппозиция «абсолютив – эргатив» (Патракеев, 2019). В общем смысле принято считать, что эргативность определяется оформленными особым образом отношениями между членами предложения, детерминируемыми предикативным функционалом глаголов. Вместе с тем признается, что эргативность – «феномен лингвоцентрического и антропоцентрического знания, который, несмотря на более чем вековую традицию лингвистического описания, до сих пор не получил своего семантического (понятийного) объяснения» (Тариева, 2017, с. 3). По мнению Л. У. Тариевой, основным критерием, отграничивающим эргативные языки от номинативных, является многообразие их «именной морфологии» (2017, с. 4). На примере ингушского языка богатство именной морфологии эргативных нахских языков, согласно автору концепции, передается совмещением трех ядерных падежей имени – номинатива (*со* – «я»), эргатива (*аз* – «я») и аффектива (*сона* – «я») (Тариева, 2017).

И. И. Мещанинов, говоря о принципе эргативного построения предложения, выделяет «падеж, в котором ставится подлежащее непереходного действия, и прямое дополнение переходного»: если в номинативной конструкции субъект и объект передаются именительным и винительным падежами соответственно, то в эргативной конструкции с обеими функциями может выступать абсолютный падеж. Отсюда лингвист делает вывод о том, что «если абсолютный падеж эргативной конструкции не соответствует именительному падежу номинативной, то и выступление его подлежащим в непереходном предложении образует эргативную конструкцию, а не номинативную» (Мещанинов, 1967, с. 8). Похожее мнение высказывает и А. И. Халидов (2008, с. 155–156), считая, что эргативность не обязательно предполагает переходность конструкции и что «сущность эргативной конструкции» не всегда определяет переходный глагол.

Итак, помимо именной морфологии, при построении эргативных и номинативных конструкций ключевой категорией признается переходность/непереходность (транзитивность/интранзитивность) глагола, выполняющего предикативную функцию. А предикат – это безусловный носитель действия или процесса, создающий центр синтаксической единицы, в которой «располагается “глагол, как верхний узел”» (Тариева, 2016, с. 164).

Н. Ф. Яковлев (2001), распределив глагольные лексемы ингушского языка на соответствующие группы, определяет переходность/непереходность предложений на основании связи главных членов предложения между собой, выделяя два основных оборота (конструкции): непереходный (непродуктивный) и переходный (продуктивный). Первый тип не имеет продукта труда и объекта, поэтому состоит только из двух главных членов предложения – подлежащего и сказуемого; второй тип выражает действие, имеющее продукт труда или объект, передаваемый прямым дополнением; соответственно, переходный оборот имеет три главных члена предложения: подлежащее, сказуемое и прямое дополнение.

Н. М. Барахоева (2012) придерживается мнения о том, что в основе распределения синтаксических оборотов на переходные и непереходные лежат семантика глаголов и их способность управлять тем или иным падежом, обеспечивая возможность построения соответствующих конструкций. С учетом этой способности Барахоева, вслед за Яковлевым, классифицирует ингушские глаголы на переходные и непереходные: переходный глагол образует эргативную синтаксическую конструкцию, в которой субъект действия «кодируется эргативным падежом, а объект действия – именительным (абсолютным) падежом»; переходный глагол передает ориентированное на субъект действие и создает номинативный оборот, в котором субъект выражен номинативом или именительным падежом (Барахоева, 2012, с. 75). Этот способ оформления субъектно-объектных отношений в синтаксической конструкции, общий для глагола кавказских языков, отмечал еще А. С. Чикобава: «При переходном глаголе реальный субъект ставится в эргативном падеже, если налицо реальный объект; при отсутствии же последнего при том же глаголе реальный субъект ставится в именительном падеже» (1976, с. 241). Однако это не является константой для всех, даже родственных, языков упоминаемой группы: если в ингушском и чеченском языках эргативный падеж возможен только при переходных глаголах, в бацбийском языке эргативом кодируется субъект при непереходных глаголах (Барахоева, 2013). Являясь характерной особенностью переходного предложения, эргатив предполагает наличие в нем выраженного или невыраженного прямого дополнения (Барахоева, 2013).

Стоит обратить внимание на то, что в нахских языках категория переходности/непереходности глагола не маркирована ни морфологически, ни синтагматически: в ингушском языке она остается на уровне семантики глагола, позволяющей различать одноместные, двухместные и трехместные глаголы (Барахоева, 2012) в зависимости от их валентности – способности управлять соответствующим количеством актантов и определять структуру создаваемых синтаксических оборотов. Нужно отметить, что схемы конструкций, образуемых глаголами с переходной и непереходной семантикой, подробно рассмотрены в работах Л. У. Тариевой. Эти схемы представляют собой различные комбинации глаголов, передающих грамматические значения транзитивности, интранзитивности, каузативности, и актантов, реализующих значения номинативности, эргативности, дативности и локативности (Тариева, 2010а; 2010b). Однако сложная предикация в этих конструкциях представлена не аналитическими формами, а в виде сложных глагольных сказуемых, компонентами которых являются инфинитивы и модальный глагол *деза* (*в*, *й*, *б*), имеющий значение долженствования, необходимости (Тариева, 2024).

Итак, независимо от эргативного и номинативного синтаксиса и безотносительно к переходно-непереходной семантике ингушские глаголы могут параллельно образовывать синтетические и аналитические формы для выражения одинаковых или синонимичных грамматических значений. Релевантность этого положения на синтаксическом уровне проявляется в том, что глагольная часть речи способна реализовывать свою основную синтаксическую функцию – предикативную – в виде простого или, в случае с аналитическими формами, – составного глагольного сказуемого; при этом формы глагола – синтетические, аналитические (или и те, и другие) – адаптированы для соответствующего строя предложения (Курдюмов, 2023).

Н. Ф. Яковлев отмечает, что глаголы-сказуемые в непереходном и переходном обороте (т. е. непереходные и переходные глаголы) в ингушском языке «не отличаются друг от друга ни различными типами спряжения, ни различием принципов согласования» (2001, с. 78). Однако это утверждение актуально для предикатов, выраженных синтетическими формами глаголов. Аналитические формы, выступая в роли составного глагольного сказуемого, проявляют свои особенности в оформлении субъектно-объектных отношений и выражении семантики всей синтаксической конструкции в зависимости от переходности или непереходности глагола, а также от выбранного вспомогательного глагольного компонента. Так, служебный глагол **да** (**в, й, б**) в переходной номинативной конструкции в составе аналитической формы образует квалификативный предикат субъекта, выраженного именительным падежом: *Нана (Nom) йиула (Dat) коч (Abs) тегаи я.* / «Мама **шьёт** (**шьющая есть**) девочке платье». Переходный глагол *тега* – «шить», образующий аналитическую форму в составе причастно-деепричастной формы настоящего времени несовершенного вида *тегаи* и вспомогательного глагола *да* в согласованной с субъектом форме женского класса **я**, выражает, скорее, свойство или признак, которым в принципе обладает агенс действия, а не само действие, поскольку темпоральное значение предиката – презенс – в большей степени эксплицировано формально, чем семантически. Это подтверждает и следующий пример: *Са диеглах мел боалла маза (Nom) модз йомладиехаи ба-кх* (Кодзоев, 2016, с. 339). / «Каждая клеточка моего тела **просит** (**просящая есть**) мёда». При использовании в подобной конструкции аналитической формы с тем же служебным элементом в прошедшем времени темпоральность действия становится более выраженной: *Из хетаи-м со (Nom) се, а вар...* (Чаккиев, 2004, с. 6). / «Да мне самому это **казалось...**»; *...Замига саг (Nom) ше лаьттача во-ацаи вар* (Чаккиев, 2004, с. 11). / «...молодого человека **не было** (**был отсутствующим**) там, где он стоял». Если переделать номинативную конструкцию в эргативную, меняется дистрибуция актантов, соответственно, и грамматическое значение предложения: *Нанас (Erg) йиула (Dat) тегаи я коч (Abs).* / «Мамой девочке **шьётся** платье» («Мамой девочке **шьющееся есть** платье»). В данном эргативном обороте вспомогательный глагол **я** требует согласования с субъектом (исполнителем) действия, кодированным эргативом, и референцируется с прямым объектом *коч*, становясь уже для него квалификативным предикатом. В подобных конструкциях иногда опускается субъект в эргативе, но он подразумевается: *Шоашка ахча деце, наьха саг йига езаи яцар* (Веджижев, 1986, с. 4). / «Если у вас нет денег, не нужно **было** **забирать** (**не была забираемой**) чужую девушку». В главной части предложения опущен агенс действия в эргативе *оаш* – «**вы, вам**», – но он присутствует имплицитно. Иными словами, аналитическая форма переходного глагола со служебным компонентом **да** в номинативной конструкции выражает категорию состояния агенса действия, а в эргативной конструкции – свойство пациенса.

Заменим в номинативной пропозиции вспомогательный глагол аналитической формы на служебную лексему *хила*: *Нана йиула коч тегаи хул.* / «Мама **шьёт** (**обычно пребывает в процессе шитья**) девочке платье» («Мама девочке платье **шьющая бывает**»). Вспомогательный глагол актуализирует повторяемость действия и придает конструкции следующую семантику: *речь идет о конкретном субъекте, постоянно выполняющем определенное действие: Даима Товсолта йомтараи еи хул из* (Кодзоев, 2016, с. 350). / «Он все время **упрекает** (**делая упреки, бывает**) Товсолта». Предикат с такой же структурой может образовывать и бес-субъектные конструкции: *Ой, иштта Ио, а виже, леи хул цига?* (Кодзоев, 2016, с. 365). / «Ой, разве **умирают** (**умирающим бывает**), вот так улегшись?». При трансформации агенса из номинатива в эргатив с соответствующим переходом конструкции в эргативную и сохранением в аналитической форме вспомогательного элемента *хила* в настоящем времени получим значение «общепринятого знания», своего рода аксиомы: *Нанас йиула коч тегаи хул.* / «Мама **шьёт** девочке платье» («В принципе, любая мама **шьёт** девочке платье»). В такой конструкции практически невозможно использование местоимений первого и второго лица в эргативе *аз* – «я» («мною»), *ла* – «ты» («тобою»), *оах* – «мы» («нами»), *оаи* – «вы» («вами»), поскольку предложение передает действие, выполняемое собирательным третьим лицом, и содержит сему дистанционности и невовлеченности в речевую ситуацию ее участников. Как в номинативном, так и в эргативном обороте на *хила* в темпоральной форме перфекта действие обретает значение заглазности: *Хьалха письмош дла-хьа ухийтаи хиннад акхар (Erg)* (Кодзоев, 2016, с. 71). / «Раньше они, **оказывается, посылали** друг другу письма (Раньше письма туда-сюда **посылаемые, оказывается, бывали** этими /ими/). Таким образом, служебный глагол *хила* в настоящем времени в составе аналитической формы придает действию номинативного субъекта семантику повторяемости, а процессу эргативного агенса – оттенок дистанционности, обобщенности, общеизвестности; в прошедшем времени (перфект, плюсквамперфект) выражает заглазность действия.

Вспомогательные глаголы **далла** (**в, й, б**) и **латта** в составе сложных глагольных предикатов, выраженных аналитическими формами, в переходных синтаксических конструкциях актуализируют семантику локализованности действия во временном промежутке (Барахоева, 2011), совпадающем с моментом речи: *Нана (Nom) йиула (Dat) коч (Abs) тегаи йоалл.* / «Мама **шьёт** (в данный момент) девочке платье». Этот номинативный оборот содержит также сему очевидности действия. Вспомогательный компонент **далла** (**в, й, б**) (**йоалл**)

относится к группе семантически непереходных глаголов, поэтому его использование в аналитической форме в эргативной переходной конструкции исключено, он согласуется только с субъектом действия, выраженным номинативом (Барахоева, 2011): *Метташ дохкаш йоалл со (Nom) пхьерал тлехьа...* (Кодзоев, 2016, с. 340). / «После ужина я **стелю (стеля занимаюсь)** кровати...». Другое дело вспомогательный глагол *латта*, который согласуется с актантом, кодированным эргативом: *Нанас (Erg) йулуга коч тегаши латт.* / «Мама **шьёт** девочке платье» («Мамой в данный момент **шьётся** девочке платье»). В данной конструкции прямой объект *коч* переходит в формальный субъект пассивного залога. Благодаря темпоральному значению настоящего времени предложение актуализирует сему очевидности действия. Очевидность процесса сохраняется и в номинативном обороте активного залога со сложным предикатом, образуемым аналитической формой на *латта*: *...кхъча шеллуш латт* (Кодзоев, 2016, с. 368). / «...еда **остывает (остывая, стоит)**». В номинативных конструкциях вспомогательный глагол латта может частично сохранять свое лексическое значение «стоять»: *...тоам белга дехаши нах латтар* Хамарза волча (Веджижев, 1986, с. 4). / «...у Хамарзы стояли люди, **прося (просили)** о примирении».

Помимо номинативных и эргативных конструкций в ингушском языке выделяются и дативные или аффективные пропозиции, образуемые аффективными глаголами, в семантической структуре которых закодировано лицо-субъект сона – «я» в дательном падеже (Тариева, 2024). На эту особенность обратил внимание Н. Ф. Яковлев, называя такое лицо «дательным субъекта» (2001, с. 52), а Ю. Д. Дешериев (2006, с. 463) выделил переходные глаголы «чувственной» семантики, при которых прямое дополнение стоит в именительном падеже, а логический субъект – в дательном.

К лексемам, кодирующим в эргативных языках аффективное лицо, можно отнести глаголы слышания и созерцания, модальные или чувственного восприятия, характеризующие человека чувствующего, воспринимающего (Тариева, 2024). Такие глаголы ингушского языка Барахоева (2012) причисляет к классу одновалентных непереходных глаголов; лицо, о котором говорится в образуемых аффективными глаголами предложениях, кодировано дательным падежом. По мнению Яковлева (2001), глаголы со значением «чувствовать», «сознавать» и некоторыми другими, выступающие сказуемым в обороте с дательным субъектом, составляют в ингушском языке ограниченную группу, в которую входят около двух десятков лексем. Оборот с дательным субъектом, образующим косвенное дополнение, по своей форме сходен с непереходной конструкцией, а по значению представляет собой переходный оборот. Рассмотрим аффективные обороты со сложным глагольным предикатом, выраженным аналитической формой. В таких оборотах, наряду с семантическим классом смыслового глагола, определяющим является также выбор вспомогательного глагола: *Сона (Dat) шитта хеташи да из (Nom).* / «Мне это вот так **кажется (кажушимся есть)**». Подобные дативные конструкции, но с простым предикатом, встречаются и в других языках, не имеющих генеалогического и типологического родства с ингушским, например, в русском языке: *Ему (Dat) нравится эта идея (Nom)*; или в немецком языке: *Mir (Dat) schmeckt dieser Kuchen (Nom)*. / «Мне **нравится по вкусу** этот пирог». Вспомогательный глагол *да* согласуется с формальным подлежащим в числе и классе: *Тхона (Dat) мегаши я хъа йол (Nom)*. / «Нам **подходит (подходящая есть)** твоя дочь». Глагол *да* использован в форме женского класса единственного числа *я*. Некоторые аффективные глаголы в причастно-деепричастной форме, как и вспомогательный глагол, меняют свой классный показатель, коррелируя его с субъектом действия: *Хьона гезаши га из Замига са?* / «Ты **любишь** этого молодого человека? (Тебе **нужен (необходимый есть)** этот молодой человек?)». Сложное сказуемое дативной конструкции со вспомогательным глаголом *да* актуализирует семантическое значение квалификативного предиката субъекта. Аналитические формы со вспомогательным глаголом *далла* в ингушском языке не образуются от смысловых глаголов, передающих состояния, чувства, мнения, представления (Барахоева, 2011). Вспомогательный глагол *хила* в сочетании с причастно-деепричастной формой аффективного глагола в дативной конструкции указывает на привычность, повторяемость действия, дистанцированного от момента речи: *Хьо (Nom) хиннавий цхьаннена (Dat) а виезаши?* (Кодзоев, 2016, с. 76). / «Ты **бывал** хоть кем-то **любим (кому-то любимый бывал)**?»; *Сона эшаши хул из.* / «Мне он (обычно) **бывает нужен (нужным)**»; *Хоза илли хозаши хулар тхона (Dat) цига.* / «Нам (обычно) **слышалась (бывала слышимой)** там красивая песня». В языке, однако, встречаются примеры, когда в подобных конструкциях дативный субъект заменяется на номинативный: *...ше воагавича мо хеташи хулар Хьасан (Nom)* (Кодзоев, 2016, с. 107). / «Хасану **казалось (казавшийся бывал)**, что его обожгли». Глагол *латта* практически не употребляется в дативных оборотах в составе аналитической формы, образуемой глаголами чувственного восприятия.

В контексте рассматриваемой темы интересным представляется явление каузации или каузирования – перевод непереходных глаголов в переходные (Барахоева, 2011). Этот процесс происходит путем присоединения глаголов *де* (в, й, б) – «делать» и *дита* (в, й, б) – «оставлять» в качестве аффиксов к непереходным глаголам (Барахоева, 2013): *лувча – лувчаде* – «купаться – купать»; *кхера – кхераве* – «бояться – пугать»; *лела – лелийта* – «ходить – пусть ходит»; *хада – хадийта* – «рваться – пусть рвется». Каузированные вербоиды в виде аналитических форм, выступая сложными глагольными сказуемыми в эргативных, номинативных и аффективных конструкциях, проявляют такие же структурно-семантические признаки, как и обычные переходные глаголы: *Нана (Nom) ший бер лувчадеши я / йоалл.* / «Мама **купает (купающая есть / занимается)** своего ребенка»; *Нанас (Erg) ший бер лувчадеши латт.* / «Мама **купает** своего ребенка (Мамой **купается (купаемый находится)** ребенок)»; *Циск (Abs) бийсан ара лелийташи да.* / «Кошке **дают гулять** на улице (Кошка на улице **позволенная ходить есть**)»; *Бераши (Abs) бийсан ара лелийташи хулац.* / «Детям **нельзя позволять гулять** на улице ночью (Дети ночью не **позволенные ходить бывают**)»; *Цо (Erg) гаргалол хадийташи латт.* / «Он почти **разорвал** родство (Им родство **позволенное разорваться находится**)»; *Сона (Dat) хозийташи да из къамаьл.* / «Мне **дают послушать (даваемый послушать есть)** этот разговор».

Представленный анализ особенностей оформления предиката синтаксической конструкции аналитической формой глагола показывает взаимосвязь и взаимообусловленность компонентов сложного сказуемого и падежа субъекта действия, что определяет характер предложения по признаку эргативности, номинативности или аффективности.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа мы приходим к следующим выводам. Аналитические формы ингушского глагола активно участвуют в реализации предикативной функции в пределах синтаксических конструкций, которые по своей структуре могут быть эргативными, номинативными и аффективными. Параллельное сосуществование указанных типов предложений дает основание полагать, что ингушский язык не является эргативным в чистом виде.

Определяющую роль в построении синтаксических оборотов со сложным предикативом, выраженным аналитической формой глагола, играют следующие факторы: переходная или непереходная семантика смыслового глагола, выбор вспомогательного глагола и именная морфология, представленная тремя падежами – эргативом (**аз** – «я»), номинативом (**со** – «я») и аффективом (**сона** – «я»). Различные комбинации этих факторов позволяют менять субъектно-объектные отношения в рамках синтаксической конструкции и актуализировать такие значения, как квалификативность исполнителя и носителя действия, повторяемость, дистанцированность, очевидность, заглазность и локализованность действия.

Номинативные обороты могут образовывать предикаты из аналитических форм со вспомогательными глаголами да (**в, й, б**), **хила, далла (в, й, б) и латта**; эргативные – со всеми перечисленными служебными глаголами, кроме **далла (в, й, б)**. Последний не используется также в аффективных оборотах, как и вспомогательный глагол **латта**.

Каузированные глагольные лексемы в составе аналитических форм в эргативных, номинативных и аффективных оборотах проявляют такие же структурно-семантические качества, как и обычные переходные глаголы.

Перспективами дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и описание особенностей функционирования в эргативных, номинативных и аффективных синтаксических конструкциях аналитических форм глагола, основным компонентом которых является причастно-деепричастная форма прошедшего времени совершенного вида. Это позволит получить комплексное представление о предикативном функционале аналитических форм глагола ингушского языка в свете усиления общих аналитических тенденций.

Источники | References

1. Барахоева Н. М. Грамматические формы и категории глагола. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011.
2. Барахоева Н. М. О глагольном спряжении в ингушском языке // Известия Ингушского научно-исследовательского института. 2013. № 1.
3. Барахоева Н. М. О морфолого-синтаксической классификации глаголов в ингушском языке // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Магас, 2012. Вып. 10.
4. Барахоева Н. М. Структурно-типологическая характеристика форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993.
5. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частного и полного слова: на материале истории немецкого языка // Вопросы грамматического строя / ред.: В. В. Виноградов, Н. А. Баскаков, Н. С. Поспелов. М., 1955.
6. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов / предисл. М. Е. Алексеева. Изд-е 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006.
7. Курдюмов В. А. Аналоги пассивного залога и эргативности в китайском и русском языках (с учётом опыта коммуникации в языковой среде гоюй) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9.
8. Мещанинов И. И. Глагол. Л.: Наука, 1982.
9. Мещанинов И. И. Основные грамматические формы эргативного строя предложения. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
10. Патракеев М. М. Проблема типологии эргативности и аномальные конструкции в номинативных языках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 194.
11. Тариева Л. У. Глаголы переходной/непереходной семантики в дативных и локативных конструкциях ингушского языка // *Lingua – universum*. 2010a. № 4.
12. Тариева Л. У. Глаголы транзитивной/интранзитивной семантики эргативных конструкций ингушского языка // Вестник филологического факультета ИнГУ. 2010b. № 2.
13. Тариева Л. У. Проблема смещения лиц парадигмы в составном глагольном сказуемом ингушского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 11.
14. Тариева Л. У. Репрезентация номинативных глаголов ингушского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-2 (60).

15. Тариева Л. У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя / под ред. проф. З. М. Габуниа. Назрань: ООО «КЕП», 2017.
16. Халидов А. И. Введение в изучение кавказских языков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.
17. Чикобава А. С. К вопросу о переходности глагола как морфологической категории в грузинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1976. Т. 3.
18. Яковлев Н. Ф. Синтаксис ингушского литературного языка / под ред. М. Е. Алексеева. М.: Academia, 2001.

Информация об авторах | Author information

Хадзиева Мадина́т Магомедовна¹

¹ Ингушский государственный университет, г. Магас

Madinat Magomedovna Khadzиеva¹

¹ Ingush State University, Magas

¹ madina1969@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.04.2025; опубликовано online (published online): 29.05.2025.

Ключевые слова (keywords): ингушский язык; аналитическая форма глагола; номинативность; эргативность; аффективность; Ingush language; analytical verb form; nominativity; ergativity; affectivity.